

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

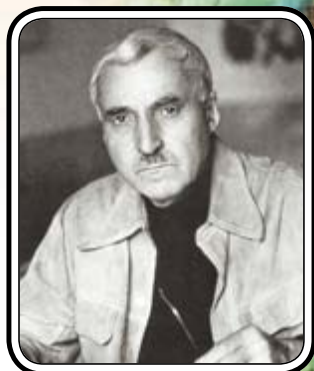
РОМАН-ГАЗЕТА

7

детской

■ 2015 (193)

6+

ИМЕНА:
Константин Симонов

УГОЛОК РОССИИ:
Инкерман

Мстислав
Добужинский

Петербург
моего детства

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник И. Левитан
«Вечерний звон»
1892 г.

Борис Пастернак

Люблю вас, далёкие пристани...

Люблю вас, далёкие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть её задушевней.

Обозы тяжёлые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Россия волшебною книгою
Как бы на серёдке открыта.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,
Блеск заморозков оловянный.
Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Е. Лансере
Петербург
начала XVIII века
1906 г.

В номере:

3

Мстислав Добужинский

Петербург моего детства

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

**Художник универсального дарования:
Мстислав Добужинский**

21

ЖИВОЙ УГОЛОК

Иван Соколов-Микитов

Рассказы-горошины

22

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Если дорог тебе твой дом...»

25

БУХТИНЫ

Елена Дегтярева

Где родился, там и пригодился!

26

РАССКАЗЫ

Наталья Анишина

Записка

28

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко

Достижения цивилизации

30

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Инкерман

33

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Безотосная

Внутренняя улыбка

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Зав. производством

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Юрисконсульт

Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 2851

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

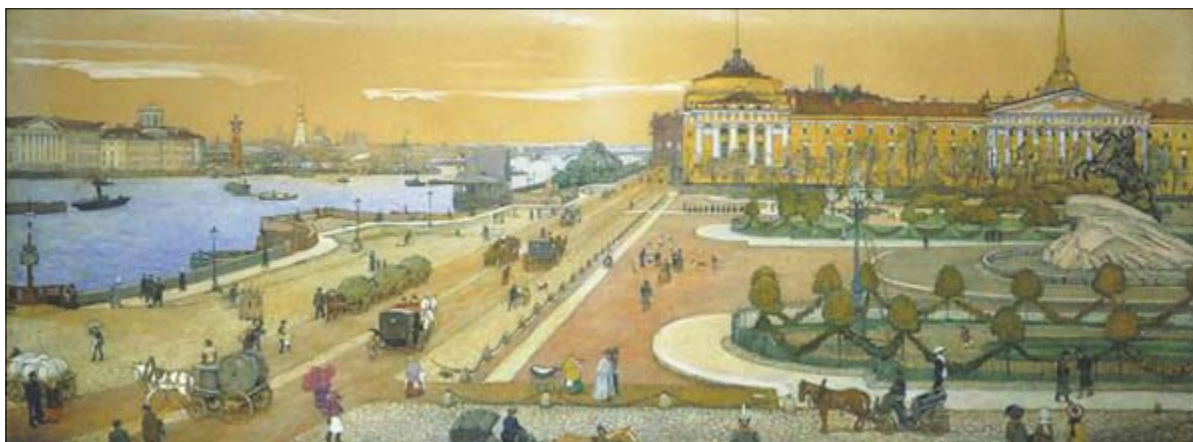
Мстислав Добужинский

Рисунки автора

Петербург моего детства

Памяти моего отца

К. А. Сомов. Портрет М. В. Добужинского. 1910 г.

Петербург. 1912 г.

Всё моё детство, до одиннадцатилетнего возраста, я прожил с моим отцом в Петербурге, в большой казённой квартире на Выборгской стороне, в доме Михайловского артиллерийского училища.

Из окон моих я видел дважды пожары и с восторгом смотрел, как пылали деревянные дома и бушевало пламя (но почему-то не было страшно), а раз пришлось увидеть и весьма замечательное и единственное явление: я уже шёл «к Морфею» (как любил выражаться мой папа), но он меня поставил на подоконник и, показав на совершенно пурпурное небо, объяснил, что это, как тогда утверждали, пепел от извержения кратера Кракатау, прилетевший из страшно далёких стран, который взвился выше облаков и теперь освещался заходящим солнцем, — что я и запомнил.

Внизу, перед самым нашим огромным домом, был ещё узенький «чёрный» двор, который отделялся от железнодорожного «парка» дровяными складами и низеньким кирпичным флигельком. Этот домик под моими окнами постоянно меня занимал — кто там живёт? — и я приставал с вопросами к своей няне. Она равнодушно отвечала: «Жильцы». Слово было непонятное, и я воображал, что это какое-то особое племя. На этом дворе стояли решётчатые сараи и конюшни. Когда я был ещё совсем маленький, тут же в коровнике жила наша собственная корова! Как патриархальна ещё была тогда петербургская жизнь...

На чёрный двор, куда выходили окна всех кухонь, забредали разносчики и торговки и с раннего утра распевали на разные голоса, поглядывая на эти окна: «клюквягода-клюквя», «цветы-цветики», «вот спички хорош — бумаги, конвертов — хорош спички», «селёдки голландские — селёдки», «кильки ревельские — кильки!» И сре-

ди этих звонких и весёлых или охрипших голосов гудел глухой бас татарина: «халат-халат» или «шурум-бурум». Сквозь утренний сладкий сон я уже слышал эти звуки, и от них становилось как-то особенно мирно, только шарманка, изредка забредавшая на наш двор, всегда наводила на меня ужасную грусть.

Зимой звуки эти заглушались двойными рамами. Между стекол клали белую вату (и было похоже, точно там лежал снег), и всегда по ней были разбросаны мелкие отрезки толстых разноцветных шерстинок (до чего это было наивно и мило), и ставились стаканчики с кислотой, чтобы не потели и не замерзали стекла. Они все-таки замерзали, и какие красивые узоры на них появлялись! («Это нарисовал Дед Мороз», — говорила няня, и я верил). А когда в одно прекрасное утро все кругом — и крыши, и все выступы, и карнизы оказывались покрытыми пушистым, сверкающим на солнце снегом — так уютно было глядеть в окна моей тёплой детской на знакомый вид, вдруг ставший совсем новым и каким-то весёлым. Наступала зима с её радостями.

Окна других комнат выходили на запад и на огромный, как площадь, внутренний двор Михайловского училища, и из нашей залы я мог видеть сквозь листву комнатных растений (наш «ботанический сад»), как за длинную крышу напротив и за ровную линию бесконечных дымовых труб закатывается красное солнце.

На этом дворе, укрытом от всех ветров, мы гуляли с няней, когда стояла плохая погода, водили же меня подышать воздухом каждый день, хоть ненадолго. Тут мы прогуливались по тротуару, который шёл вдоль всех четырёх стен казённого дома, но и в этой скучной прогулке было маленькое развлечение — посмотреть через решётчатые ворота с чёрными чугунными орлами на нашу Симбирскую улицу, где сквозь пики решётки видны были дребезжащая конка, спящие на козлах извозчики, разноцветные вывески мелочной и бакалейной торговли и золотой крендель немецкой булочной.

Весной, в тёплые дни, на нашем пустынном дворе с каменной мостовой (между булыжниками уже пробивались чахлые травинки и листики ромашки) я играл с мальчиками соседних квартир, и двор становился моим, я «овладел» им и знал все закоулки, изучил и все широкие лестницы нашего офицерского флигеля, бесконечные гулкие коридоры, которые тянулись вдоль всех трёх этажей аракчеевского дома. На каменных лестницах с плоскими широкими ступенями (посредине была выемка, источенная ногами) всегда, даже в жаркие дни, был приятный холодок. Пахло кошками и кухонным чадом, наверное, как и в дни самого Аракчеева (дом был выстроен в 1820-х годах).

В дальнем углу двора низенькая дверь вела в узкий и таинственный подвальный коридор, через который был выход к набережной Невы — на площадку перед фасадом училища. Тут стояли пушки на колёсах, и в ясный день прогуливались и резви-

Мойка у Нового Адмиралтейства

лись весёлые юнкера без фуражек. Я неизменно попадался моему врагу — одному краснощёкому, стриженному ёжиком юнкеру, нашему родственнику, который меня всегда дразнил и пугал.

На этом кусочке набережной около Литейного моста было интересно глядеть на разные небольшие парусные суда, которые там причаливали, и рассматривать их снасти. Когда я уже начитался морских приключений, я всё мечтал увидеть у нашей набережной какой-нибудь настоящий трёхмачтовый корабль с парусами, прибывший из-за моря, или хоть какую-нибудь шхуну или бриг с иностранным вымпелом. Однажды действительно дождался и с восторгом увидел английский флажок на какой-то маленькой яхте, отшвартовавшейся тут для моего удовольствия.

Обыкновенно ежедневная наша прогулка с няней была через Литейный мост, по Литейному проспекту до Невского и обратно — конец немалый, а иногда и по тихой и провинциальной Выборгской стороне к Арсеналу.

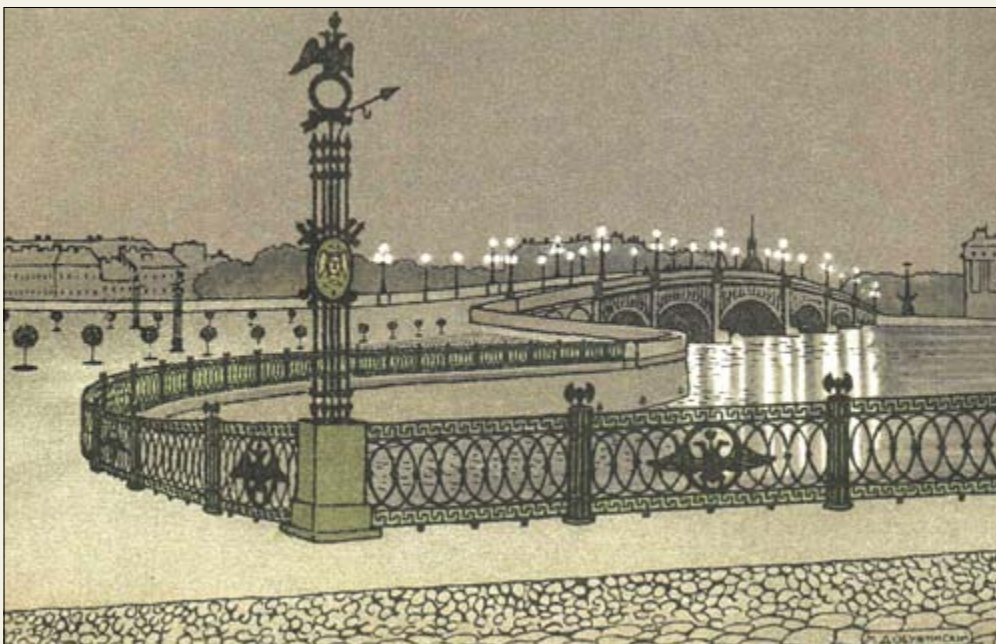
Если мы шли этой последней дорогой, по Симбирской улице (вспоминается она всегда зашуганная снегом), то проходили мимо маленькой лавочки в заборе около нашего дома, где седой, как лунь, добрый дедка в нагольном полушубке (с узором на груди) продавал семечки, орехи и чудесные сладкие чёрные стручки с овальным блестящим и нераскусимым бобом внутри — моё любимое лакомство. И всегда от старика я слышал ласковое словечко.

Когда наш путь лежал через Литейный мост, я видел широкий простор Невы, Петропавловскую крепость с чуть заметным флажком на кронверке и острый золотой шпиль с ангелом наверху, видел белые колонны далёкой Биржи, плоский понтонный Троицкий мост и теряющийся в отдалении тесный ряд дворцов — с младенчества мне родной и любимый вид.

Когда шёл лёд, с моста восхитительно было смотреть на плывущие льдины, которые вкусно раскалывались пополам о мостовой бык, и казалось, что сам плывёшь вместе с мостом им навстречу. А когда под аркой моста проходил буксир, тянувший барку, и его дымящая труба вдруг загибалась назад, забавно было очутиться в темном облаке дыма, от которого першило в горле.

Мне очень нравились толстые нарядные перила моста и их зелёные русалки с рыбьими хвостами, которые держали в руках герб Петербурга, и, проходя, я всегда до них дотрагивался. Также я любил мимоходом погладить и страшную голову Горгоны на низенькой решётке Летнего сада и храбро положить палец в её раскрытый зев.

С нашего моста вечером (если я откуда-нибудь возвращался домой с моим папой) открывалось чудесное зрелище: по всем набережным Невы тянулись бесконечные ровные цепочки фонарей, и вдали их огоньки сливались в одну тонкую нить, которая

Царское село. Ворота Камероновой галереи

Типы Петербурга. Извозчик

всегда дрожала и переливалась, а когда было тихо на Неве, от каждого фонаря в воду опускалась острая и длинная игла.

Зрелище это меня и притягивало, и веселило, и наполняло каким-то смутным чувством — я не понимал, конечно, ещё всей грусти и таинственности — словом, поэзии — этой петербургской ночной красоты.

Посреди этих живых золотых нитей и бус сиял белым и неподвижным светом ряд фонарей возле дворцов — это было первое электричество в Петербурге. Но ещё всюду горели газовые фонари, и живое их пламя то приседало от ветра, то опять разгоралось (по вечерам по улице бегал фонащик с лесенкой и взбирался на каждый фонарь его зажигать своим фитилем).

Но вскоре засветились впервые на нашем Литейном мосту лампы Яблочкова (отец однажды принёс и показал эту странную двойную свечу), а затем зажглось электричество и на Невском проспекте (мой дядя с восторгом принёс нам новость: «Теперь ночью на Невском можно читать газету»). Дуговые фонари шипели, гудели и иногда роняли красную искру, и молочно-розовый их свет, искрившийся на снегу, мне казался совершенно волшебным.

Иногда мы делали с няней наше «путешествие» в город на конке или по Захарьевской улице до Невского, или по Литейному проспекту. По Захарьевской и дальше по Знаменской мы ездили в маленькой однолошадной конке, которая тащилась очень медленно, и на разъездах ждали встречного вагона мучительно долго. Но на конке ездить было очень скучно, и куда интереснее было идти с няней в город пешком.

Во время этих прогулок по Петербургу меня занимали всевозможные мелочи: вдоль тротуара стояли низенькие гранитные и чугунные тумбы, зимой на них лежал круглыми шапками снег, и было приятно по дороге сбить эту шапку или сделать маленький снежок. На уровне моих глаз я постоянно видел на прибитой к стене красной жестянке таинственную надпись «ОГО», точно кто-то грозил (это было просто «Общество газового освещения»). Глядя под ноги, и там я видел много интересного, я старался, шагая, попадать ровно с плиты на плиту, хотя, маленькому, это было трудновато.

Когда я стал грамотный, то прилежно, по складам, читал надписи всех встречных вывесок, и няня или папа, когда с ними гулял, терпеливо дожидались, когда я кончу.

А как занятно было рассматривать то, что было изображено на вывесках встречных лавок и магазинов! На «мясной торговле» красовался бык на золотом фоне, стоящий на обрыве, внизу же мирно сидел барашек. На вывесках «зелёной и курятной» торговли были аппетитно нарисованы овощи — кочан капусты, морковь, репа, редиска или петухи, куры, утки, а иногда индюк с распущенным веером хвостом, а у «колоннального» магазина — ананасы и виноград. Мелочные же лавочки были неизменно

украшены вывеской с симметрично расставленными сахарными головками в синей обёртке, пачками свечей и кусками «жуковского мыла», с синими жилками, в центре же красовалась стеклянная ваза с горкой кофейных зёрен, а на фоне витали почтовые марки, почему-то всегда по три вместе. Мне также очень нравилась нарядная вывеска красилен Кюлиодта, где развевались разноцветные ленты, приятно закрутились свёртки материй и кудрявились три страусовых пера разного цвета.

Мне нравился и громадный чёрный полосатый дом Мурузи в мавританском стиле, и его чугунные навесы у подъездов с удивительными узорами и арабскими надписями. Дом был замечателен для меня тем, что там была большая парикмахерская, где меня впервые остригли (раньше это делали домашним способом), и я попросил парикмахера: «Пожалуйста, сделайте мне такую же плешку, как у моего папы». Могу представить, как я умилил и развеселил отца.

Конечно, проходя мимо Артиллерийского управления, я задерживался у старинных зелёных пушек, стоящих визави Окружного суда, точно они собирались в него палить. Пушки были выстроены в порядке их роста, и оба симметричных ряда кончались маленькими пузатыми мортирами, которые особенно мне нравились. Интересно было рассматривать выпуклые украшения на дулах, колёсах и лафетах, гербы, ручки в виде дельфинов и непонятные надписи вязью.

Если был большой праздник или Великий пост, мы с няней, гуляя по Литейному, по дороге иногда заходили в маленькую, изящную Сергиевскую церковь с золотым шпилем на колокольне и с синим куполком в частых золотых звёздочках, или в Спасо-Преображенский собор. Няня всегда у иконы ставила копейную свечку. Этот белый собор с чёрными куполами был окружён оградой из поставленных стоймя, дулами к земле, громадных чёрных пушек, отнятых когда-то у турок. Между этих «столбов» висели тяжёлые цепи, а в ограде росли старые ветвистые деревья. В Сергиевской церкви я помню панихиду по только что убитому Александру II. Церковь была переполнена народом с горящими свечами. Многие плакали, няня тоже, и я вместе с ней заплакал.

Зимой я с завистью смотрел, как дворники особыми зубчатыми лопатками скалывали ледок на тротуарах, и он отскакивал аппетитными пластинками. Иногда панель загораживалась рогатками — дворники сбрасывали с крыши снег, и тогда надо было сворачивать на середину улицы, и какой это был особенный, петербургский звук — гулко бухавшие снеговые глыбы! Когда выпадал слишком глубокий снег, его усиленно счищали, и кучи его, иные с воткнутой лопатой или метлой, тянулись вдоль всех тротуаров.

Весной целые полки дворников в белых передниках быстро убирали снег с улиц (любили острить, что дворники делают весну в Петербурге). Тогда же появлялись и другие уличные звуки, когда растаявший лед вдруг катастрофически и неожиданно рушился внутри водосточных труб в зелёные кадки на тротуарах с пугающим прохо-

Типы Петербурга. Мамка
Троицкий мост. 1903 г.

Львиный мост. 1923 г.

Типы Петербурга. Охтенка

жего грохотом. И сколько вообще разнообразных звуков неумолчно раздавалось на петербургских улицах! Звенел на конках звонок кондуктора, заливались колокольчики — дар Валдая — и бубенчики на проезжавшей тройке (я долго думал, что «дарвалдая» значит «звеня»), гудели по праздникам церковные колокола, нередко проходила с трубами и барабанами военная музыка, а по дворам распевали на разные лады разносчики — и всё было мелодичным. Лишь било в самую душу, когда страшные ломовики везли по булыжной мостовой адски грохочущие рельсы.

Летом петербургская улица громыкала, и только на улицах, замощённых торцами (Невский, Большая Морская, набережные и некоторые другие места), было тише, лишь раздавались крики «ванек» и кучеров: «Берегись!» Резиновых шин ещё не было, и стук колёс по камням мостовой, цоконье копыт и конское ржание были самыми привычными звуками. Чтобы ослабить уличный шум, часто возле дома, где был больной, стлали солому, и тогда стук колёс вдруг становился мягким и шуршащим.

Петербург в летнее время пустел, «господа» разъезжались на дачи и по «заграницам», и хозяевами города делались кухарки, дворники и горничные. На лавочках у ворот лущили семечки, слышалась гармоника, весёлые маляры, которыми был полон летний Петербург, горланили свои песни. Это был «Питер».

Наши ежедневные прогулки имели иногда маленькую цель — чаще всего мы ходили в булочную Филиппова, на угол Невского и Троицкой, купить мою любимую слоёную булку, подковку с маком или тмином и солью или же калач (у него под клапаном я любил находить белую муку, и ручка его аппетитно хрустела). Иногда у Филиппова я лакомился пирожками с вареньем, капустой или грибами. К этому громадному и всегда страшно горячему пирожку полагалась бумажка, чтоб не пачкались от жира руки. Особенно приятно было съесть такой горячий пирожок в мороз. Часто мы шли с няней и дальше по Невскому, к Гостиному двору.

Посреди Невского бежала конка — был один путь и разъезды. Тут вагон был красного цвета и наряднее, чем на других улицах, и двигался шибче. Рядом с конкой вдоль Невского тащились допотопные «щипинские» омнибусы («Сорок мучеников») и длинной вереницей плелись «ваньки», держась ближе к тротуару. Их перегоняли слева лихачи, кареты, ландо, «эгоистки» (узенькие дрожки или сани на одного седока) и другие собственные экипажи. На кушаке кучера этих экипажей часто красовались прикрепленные над толстым задом армяка большие круглые часы, чтоб барину удобнее было следить за драгоценным временем.

Придворные кареты отличались золотыми коронами на фонарях, а кучер, одетый по-русскому, всегда был украшен медалью, и издали уже было видно, что мчится кто-

Фонтанка

то из царской фамилии. Городовые тогда подтягивались, и на перекрёстках движение сразу останавливалось.

На придворных экипажах с английской упряжью красовались кучера и камер-лакеи в треуголках и алых ливреях с золотым позументом, украшенным чёрными орлами, с пелеринкой и белым пуховым воротником. В дождь ливреи были из белой блестящей клеёнки, что было очень элегантно. Особенный был выезд у посланников: у кучера на спине армяка был всегда треугольник из золотого позумента, а верх шапки был голубой, бархатный и «рогатый», как бы «двууголка». Рядом с кучером сидел егерь с развевающимся плюмажем из петушиных перьев на треуголке и с широкой портупеей через плечо (маленьким я думал, что это и есть сам посланник, такой нарядный).

Были очень красивые сетки на лошадях (обыкновенно синие, редко красные), предохранявшие седока от снежной ископыти и комьев грязи. У саней же бывали пухлые медвежьи полости (покрывала для ног) с кистями, которые волочились по снегу. Существовали ещё запятки — у парадных саней и у карет сзади стоял, держась за особые петли, рослый лакей в ливрее и цилиндре с кокардой сбоку его. У иных был огромный медвежий воротник — пелерина. На запятках же саней царицы Марии Фёдоровны, часто проезжавшей по Невскому, всегда высился великолепный камер-казак в красном кафтане с откидными рукавами и в высокой папахе с кистями.

Порой по Невскому лихо мчалась тройка с бубенцами — у кучера была круглая шапочка, надвинутая на лоб, с павлиньими пёрышками вокруг тульи, мелькала белая фуражка офицера и боа или меховая ротонда его дамы...

Невский проспект был необыкновенно наряден своей толпой, где больше всего было военных, носивших самые разнообразные формы. Маленьким я, конечно, глядел во все глаза на мелькавшие в толпе черкески и бурки, офицерские фуражки разных цветов, треуголки, каски с белым или чёрным султаном или двуглавым орлом наверху. Однажды я даже остановился от восхищения: по улице шёл настоящий витязь в шишаке, в кольчуге и с колчаном (тогда ещё существовал отдельный отряд в конвое царя — кавказская сотня, носившая старинные доспехи хевсуров).

Извозчики — петербургские «ваньки», неотъемлемая принадлежность улицы, носили всегдашний, традиционный, спокон века присвоенный им мужичий синий армяк до пят и клеёчатую шляпу — приплюснутый низкий цилиндр с раструбом и загнутыми полями (непреренно с медной пряжкой впереди), а зимой — меховую шапку с квадратным суконным, а то и бархатным верхом. И какие у них были узорчатые и разноцветные пояса! Сидя на облучке своих саней или дрожек, они поджидали седока и приглашали прохожих: «Поедем, барин!» или «Резвая лошадка — прокачу!» Их исконны-

Петербург 1921 года

ми врагами были ломовые извозчики, никогда никому не уступавшие дороги («ванек» они презрительно обзывали «гужееды», «гужом подавился!»), — и когда медленной лавиной двигался кортеж их до отказа нагруженных возов или громадных саней, никакая сила не могла их остановить, иногда даже городовые пасовали. Эти дикого вида «ломовики», держа вожжи, медленно выступали рядом со своими такими же страшными и огромными битюгами, увешанными сбруей с бляхами, дуги же бывали необыкновенно затейливо и ярко расписаны. Всегда это были мрачные бородатые мужики, которые носили или засаленный картуз, или треух и неизменно бывали наряжены поверх тулупа в красный жилет нараспашку — и любопытно, что это были всегда старые придворные жилеты с двуглавыми орлами на истрёпанном позументе! Этот замечательный костюм ещё дополнялся брезентовым фартуком, богатырскими кожаными рукавицами и какими-то верёвками и крючками, висевшими сбоку. Охтенка-молочница «спешила», как и во времена Пушкина, но уже не «с кувшином», а с металлическими бидонами на коромысле, но на голове был под платком повязан прежний белый повойник, а юбка была всегда в мелких полосках лилового, красного и оранжевого цвета.

Шерстяные платки на плечах у деревенских баб, всюду сновавших по городу, обычно были в крупную клетку — как это тоже было привычно глазу! И каких только тут не было сочетаний — синего с оранжевым, зеленого с красным, серого с черным... А сколько ещё всевозможных продавцов и уличных ремесленников заполняло улицу — разносчики, сбитенщики, точильщики, стекольщики, продавцы воздушных шаров, татары-халатники, полотеры — всего не перечесать, — и их белые передники, картузы, зипуны, валенки (иногда так красиво расписанные красным узором) и разные атрибуты и инструменты простонародья, как всё это оживляло и красило картину петербургской жизни!

Самым нарядным уличным персонажем была кормилица у «господ». У них была как бы «парадная форма», квазикрестьянский костюм весьма театрального вида (костюм сохранился и позже, вплоть до самой войны 14-го года!). И постоянно можно было встретить чинно выступавшую рядом со своей по моде одетой барыней толстую, краснощёкую мамку в парчовой кофте с пелеринкой, увешанную бусами и в кокошнике — розовом, если она кормила девочку, и голубом, если мальчика. А летом её наряжали в цветной сарафан со множеством мелких золотых или стеклянных пуговиц на подоле и с кисейными пузырями рукавов. На набережной и в Летнем саду среди корректной петербургской толпы такая расфуфыренная кукла была обычна, и глаз к ней был привычен.

Иногда, гуляя с няней, я навещал на службе моего папу — его канцелярия помещалась на углу набережной и Литейного, — и мою прогулку я часто продолжал с ним.

Когда я появлялся в канцелярии, на меня посмотреть сходились сослуживцы отца, офицеры — до сих пор помню лица и фамилии этих ласковых со мною, бородатых,

усатых, франтоватых и мешковатых артиллеристов. Меня тут же засаживали рисовать, снабжали карандашами (особенно я любил толстый синий и красный) и казённой бумагой для моего рисования.

Чаще всего мы шли с отцом по набережной к Летнему саду. В саду мы прохаживались вдоль аллей по деревянным мосткам, статуи нимф и богинь уже запрятаны были в тесные деревянные будочки, а в голых сучьях деревьев каркали и шумели крыльями вороны. Мы всегда останавливались у памятника дедушке Крылову, и я рассматривал фигурки из его басен.

Гуляя с отцом по Литейному, мы нередко заходили в магазин Девишина на углу Симеоновской в памятном мне красном доме, где отец всегда покупал бумагу, краски и карандаши для моего рисования (позже и учебные тетради), все это я имел в изобилии с трёхлетнего возраста (а отец бережно собирал мои «произведения», и у него накоплялись целые альбомы).

Как я любил эту тесную подвальную лавочку! Там была волшебной красоты бумага — и всех цветов, и узорчатая, и чудная мраморная, и тиснённая, и золотая, и серебряная, и большие немецкого издания листы для вырезания и склеивания разных домиков и целых замков, и выпуклые картинки для наклеивания. И как было занятно, придя домой, намочить листок, придавить к бумаге и бережно тереть с обратной стороны до катышков, пока под ними не появится яркая, блестящая картинка!

На том же Литейном проспекте часто отец заглядывал со мной мимоходом в переплётную или к букинисту, чтобы отдать или взять связку книг. Его библиотека всё время росла, и, став немного постарше, сколько часов я проводил в папином кабинете, рассматривая [...] его чудные книги с картинками, альбомы и иллюстрированные журналы [...]

Если мы с папой попадали в Гостиный двор, то обязательно бывали в игрушечной лавке Дойникова, в воротах (где всегда дул страшный сквозняк), битком набитых самыми соблазнительными игрушками, и я всегда что-нибудь приносил с собой домой — или оловянных солдатиков, уложенных в овальной лубочной коробочке с немецкой надписью на крышке, или какую-нибудь чудную игрушку изделия Троицкой лавры — медведя или мужика, по очереди бьющих по наковальне, или Щелкунчика с горбатым носом и в тирольской шляпе с пером, или же забавную заводную игрушку с коротенькой музычкой — вертящуюся козу в юбке, держащую цветочек, или розовую балерину, делающую ручкой.

Всегда, проходя или проезжая по Литейному, я видел ровные перспективы Фурштатдтской и Сергиевской улиц, где в конце их серел в туманной дымке далёкий Таврический сад. В этой «манящей дали» он казался мне каким-то таинственным, там

Александринский театр

тогда мне не приходилось бывать, но маленьким я попадал и в другие очень далёкие от нас части Петербурга.

Раз мы с папой в один солнечный день сделали целое восхитительное путешествие по всей искрящейся на солнце Неве на маленьком финляндском пароходике — с Выборгской на Васильевский остров — мимо дворцов, крепости, Биржи и ныряя под все четыре моста — Литейный, Троицкий, Дворцовый и Николаевский. Мы ездили навестить жившего на какой-то очень далёкой линии одного моего дядю. У него, учёного и замечательного лингвиста, меня поразило, что в комнате был только один стул и множество книг, целые кучи их лежали на полу (а на обложке его перевода с итальянского — Габриелли «Воспитание характера» — стоял девиз, позже на всю жизнь мне запомнившийся: «Пусть себе рухнет мир, я без страха паду среди развалин»... Увы, книг этих никто не покупал).

Отец, всегда ища повода что-нибудь показать интересное или полезное для моего развития, однажды повёз меня на фабрику — «Невскую бумагопрядильню», на далёкий от нас Обводный канал, и я был восхищён стройными движениями машин и их ритмическими стуками и какой-то бодростью этого места, оно вовсе не было мрачным, наоборот, всё было залито светом, и мне улыбались приветливые лица ткачих.

Очень часто с самого раннего детства я бывал в Измайловском полку, тоже в далёком от нас районе, у сестры моего отца — моей любимой тёти Кати. Её муж был командиром Измайловского полка, свитским генералом, и они жили в обширной и нарядной квартире на углу Фонтанки и Забалканского проспекта, в казармах полка — старинный дом Гарновского. Их сын, мой двоюродный брат Саша, пока не поступил в Лицей, был один из первых моих друзей детства, и я иногда туда приезжал с ночёвкой. От Технологического института, куда доезжали на конке, к тёте на Фонтанку приходилось идти или мимо величественного белого Троицкого собора, с пятью голубыми куполами, с крупными золотыми звёздами, или мимо Константиновского училища, против которого стоял красный обелиск — старинный верстовой столб с солнечными часами.

Когда мы с няней входили к тёте в парадный подъезд с Фонтанки, нас всегда приветливо встречал старенький швейцар с седыми баками. Он был облечён в красную с золотом придворную ливрею, носил на шее крупнейшую медаль и чем-то был похож на своего генерала. Как только в бельэтаже отворялись (обитые зелёным сукном, с медными гвоздиками) двери в квартиру, меня охватывала лёгкая жуть уже от одной строгой передней с высокими зеркалами и стоявшими тут навтыжку двумя рослыми Измайловскими рядовыми — дежурными вестовыми. Даже и после наших больших размеров комнат тётиная квартира меня пугала своими ещё более высокими потолками, пугала и ужасно скользким паркетом залы, через которую надо было пройти, и огром-

ными картинами, и овальными портретами в толстых золотых рамах, и тяжёлыми бархатными порттьерами от потолка до полу с золотыми карнизами и кистями. Я больше всего любил забраться в уютный тётин будуар и там, усевшись на диване возле углового окна, смотреть через зеркальное стекло на улицу — этого удовольствия не было в нашей квартире. Помнится падающий снег, и через его сетку я гляжу на горбатый каменный Измайловский мост, полный чёрных фигурок прохожих, на конку, заворачивающую на узенький решётчатый мостик, на оживлённый каток на льду Фонтанки и на пропадающую в снежной дали прямую линию Вознесенского проспекта.

В доме Гарновского был такой же большой внутренний двор, как и в нашем казённом доме, только посредине был окружённый низеньким забором сад, а все три этажа казарм были в аркадах (на манер итальянских лоджий). В тёплое время мы с Сашей часто играли в этом тенистом садике, на дворе же всё время слышались военные сигналы упражняющихся в своем искусстве трубачей и иногда происходило строевое учение солдат, и мне было интересно глядеть, как их учили шагистике и ружейным приёмам. Но ещё интереснее было уединиться с Сашей в их квартире в его большой «классной» и рассматривать его коллекцию марок, предмет моей зависти, и его книжки. Лет с семи мы стали коллекционерами, и он меня опережал, так же как и в чтении, — впрочем, он был на два года старше.

...Ещё чаще я ездил в гости (тоже иногда с ночёвкой) к другому другу моего детства, Сташе, сыну дяди Евстафия, доктора, в их тесную квартирку на узенькой и темноватой Пушкинской улице, где в крошечном скверике стояла крошечная статуя Пушкина. Вначале мы играли в индейцев, потом, прочтя Жюль Верна, начали строить «Наутилус» и одновременно стали затевать театр, что и сделалось нашим главным увлечением в ранней юности (школа — не так, как было с Сашей, — и позже не расстроила нашей дружбы).

С Пушкинской дядя переехал на Кузнечный переулок — угол Ямской улицы — против Владимирского собора, где я продолжал также часто бывать. Как я лишь впоследствии узнал, эта дядина квартира была соседней с той, где года два-три до этого скончался знаменитый «сочинитель», как тогда ещё выражались, Достоевский.

Тот вид из окон квартиры, где я играл со Сташей и который я так отчётливо помню, — чёрные штабели дров, глухой брандмауер и заборы, — этот печальный петербургский пейзаж был и перед глазами Достоевского. Сообразил я всё это — и с небольшим волнением — лишь взрослым...

Самым весёлым временем в Петербурге была Масленица и балаганы. Ёлка и Пасха были скорее домашними праздниками, это же был настоящий всенародный праздник и веселье. Петербург на целую «мясопустную неделю» преображался и опрощался: из окрестных чухонских деревень наезжали в необыкновенном количестве «вейки» со своими лохматыми бойкими лошадками и низенькими саночками, а дуги и вся

Зима в городе. 1904 г.

Типы Петербурга. Торговцы

упряжь были увешаны бубенцами и развевающимися разноцветными лентами. Весь город тогда наполнялся весёлым и праздничным звоном бубенчиков, и такое удовольствие было маленькому прокатиться на вейке. Особенно если сидеть на облучке, рядом с небритым белобрысым чухной, всегда невозмутимо сосущим свою «носогрейку». Извозчики презирали этих своих конкурентов — вейка за всякий конец просил «ридцать копеек» — и кричали на них: «Эй, ты, белоглазый, посторонись!»

Приближаясь к Марсову полю, где стояли балаганы, уже с Цепного моста и даже раньше, с Пантелеймоновской, я слышал, как в звонком морозном воздухе стоял над площадью весёлый человеческий гул и целое море звуков — и гудки, и писк свистуллек, и заунывная, тягучка шарманки, и гармонь, и удар каких-то бубен, и отдельные выкрики — всё это так тянуло к себе, и я изо всех сил торопил мою няню попасть туда поскорей. Балаганы уже виднелись за голыми деревьями Летнего сада — эти высокие жёлтые дощатые бараки тянулись в два ряда вдоль всего Марсова поля и на всех развевались трёхцветные флаги, а за балаганами высились вертящиеся круглые качели и стояли ледяные горы, тоже с флажком наверху.

Я попадал сразу в людскую кашу, в самую разношёрстную толпу — толкались весёлые парни с гармошкой, разгуливали саженные гвардейские солдаты в медных касках и долгополых шинелях с белым кожаным кушаком и непременно в паре с маленькой розовой бабёнкой в платочке, проплывали толстые салопницы-купчихи и тут же — балаганы были «в моде», и в обществе считалось, по традиции, тоже хорошим тоном посетить народное гуляние — прогуливались тоненькие барышни с гувернантками, гвардейские офицеры со своими дамами в меховых боа — словом, было «слияние сословий». Раз видели, как медленно проезжали вдоль балаганов придворные экипажи и тянулись длинным цугом кареты с любопытными личиками институток.

Я с восторгом смотрел на огромные полотнища — вывески балаганов — целые картины, где были простовато нарисованы и неизбежная «Битва с кабардинцами», и храбрый «Белый генерал», скачущий в пороховом дыму на белом коне, а внутри этих балаганов слышались пальба, трубные сигналы, музыка и барабаны. На других же балаганах, поменьше, красовались изображения львов и тигров с человекоподобными свирепыми физиономиями, шпагоглотатели, эквилибристы, вольтижеры, великаны и лилипуты, даже итальянские арлекины и пульчинеллы — эти персоны каким-то чудом ещё жили в Петербурге моего детства!

Внутри балаганов было холодно, они согревались лишь дыханием публики, и несчастные актеры говорили сиплыми голосами из последних сил, весь день без передышки горла в ледяном воздухе.

...Конечно, гнусавил и Петрушка, выскакивая из-за пёстрой ширмы, и я не мог оторвать глаз от его судорожных движений и ликовал, как и все кругом, когда он колотил своей дубинкой и полицейского, и чёрта, и всегда сам воскресал невредимым. И сколько на каждом шагу было соблазнов! На лотках красовались пряники: «печатные», вяземские, белые мятные в виде разных забавных фигурок — человечков, всадников, рыб и зверей, были и расписные, с разводами, розовые и облепленные миндалём. Грудами лежали леденцы, закрученные спиралью или обмотанные бумажкой с цветной бахромкой на концах, мои любимые сладкие чёрные турецкие стручки, сморщенные мочёные груши. На других лотках были разложены рядами аппетитные жирные круглые пирожки, которых мне так и не удалось отведать (няня не позволяла — «а то заболит животик»).

Всякой невзыскательной снеди было великое изобилие — разные колбасы, студень, ситные пироги с грибами и печёнкой, калачи, кренделя, баранки — и всё это тут же на морозе уничтожалось. Продавался горячий сбитень в медных чайниках, обмотанных полотенцем, какое-то ядовито-жёлтое и ярко-красное питьё в стеклянных кувшинах, и дымились огромные пузатые самовары.

Маленьким я всегда приносил домой с балаганов какую-нибудь игрушку и обязательно красный воздушный шар.

Больше всего толпилось народу возле балаганного Деда. Дед с привязанной мочальной бородой и с молодым розовым лицом, всегда охрипший от мороза и нескончаемой болтовни, сидел верхом на балюстраде балаганного балкончика и откалывал разные

непристойности по адресу рядом с ним стоявшей, молодецки подбоченившейся девицы в рейтузах, туго обтягивавших ляжки, в гусарской куртке с бранденбурами и лихо надетой конфедератке. А то Дед намечал какую-нибудь жертву для глума в толпе, обыкновенно выбирал рыжего, народ кругом гоготал и ещё пуще подзадоривал Деда. Няня всегда старалась увести меня подальше, чтобы меня не задавили и чтобы я не наслушался гадких словечек.

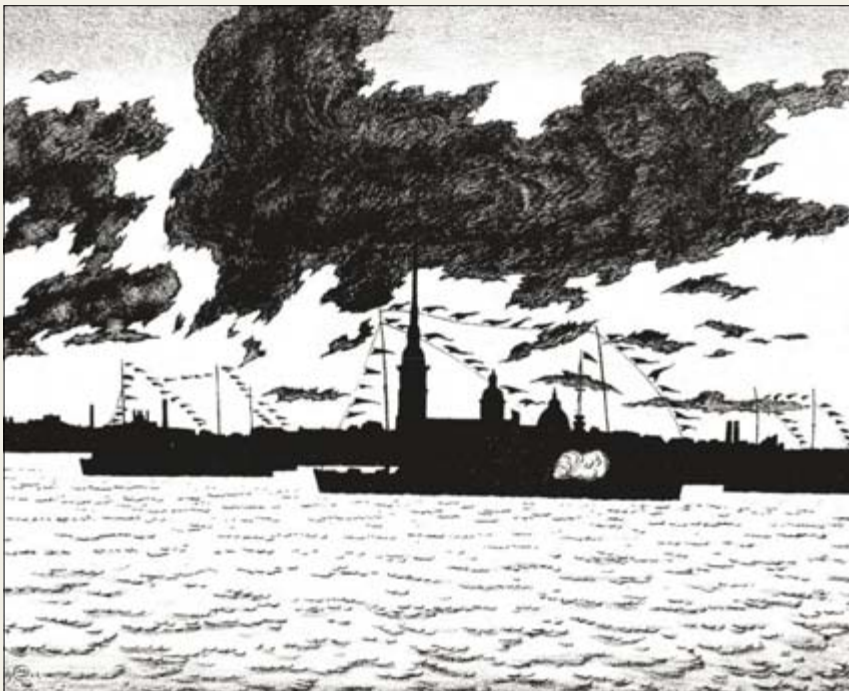
Балаганы после Масленицы стояли весь пост заколоченными. На Пасхе вновь оживали, но это было уже не то, под снегом и на морозе всё было особенно весёлым. Тут же веяло уже весной, на ветру пузырились полинявшие от дождя вывески. Горы уже не действовали, толпа шлёпала по лужам, настроение бывало по-прежнему праздничным, но всё было по-другому. Именно масляничные балаганы в моём воспоминании и остались для меня окружёнными незабываемой петербургской поэзией.

Весенние балаганы в моих воспоминаниях как-то сливаются с соседним праздником. Вербой. Вербный торг помню ещё у Гостиного двора.

Среди невообразимой толкотни и выкриков продавали пучки верб и вербных херувимов (их круглое восковое личико с ротиком бантиком было наклеено на золотую или зелёную бумажку, вырезанную в виде крылышек), продавали веселых американских жителей, прыгающих в стеклянной трубочке, и неизбежные воздушные шары, и живых птичек (любители тут же отпускали на волю и птичек, и шары), и было бесконечное количество всяких восточных лакомств, больше всего рахат-лукума, халвы и нуги. И опять же на Вербном базаре, как и на балаганах, всегда покупались для меня игрушки, но главный приток их был на Ёлку: Рождество был настоящий праздник игрушек. У Гостиного двора вырастал лес ёлок, и тогда там тоже была толпа и давка. Дома у нас ёлка бывала до самого потолка, и хвойный запах наполнял на несколько дней всю квартиру. Было такое удовольствие готовить с папой разные украшения. Мы золотили орехи, клеили корзиночки и цепи из цветной бумаги, которыми обматывались все ветки. И какая радость была зажечь нашу ёлку пороховой ниткой — и глядеть, как по ней бежит огонёк, зажигая каждую свечку!..

Весной самым большим удовольствием было поехать с папой в Зоологический сад — «Зоологию». Едучи с ним на извозчике по Петербургской стороне и длинному Кронверкскому проспекту, я сгорал от нетерпения — казалось, не будет конца этой скучной деревянной стене сада с узорчатыми дырочками, вдоль которой мы так медленно тащились.

Сразу же при входе в сад меня оглушали скрипучими криками разноцветные попугаи, которые во множестве тут раскачивались на своих кольцах, — я был уверен, что

Петербург в 1921 году

они здороваются со мной. И тут же, на первых шагах, я надолго застревал около толстых змей, свернувшихся в кольца, мирно спавших в своём стеклянном киоске.

Отец терпеливо останавливался со мной перед каждой клеткой, пока я насмотрюсь досыта на всех зверей, зверюшек и птиц и вдоволь нахохочусь в павильоне мартышек и пока, после долгого хождения и стояния, у меня не начнет «болеть ножка». Тогда ему приходилось брать меня, пятилетнего, на руки, и на руках у него я глядел на представление на открытой сцене, которое начиналось, когда уже опускались сырые сумерки и зажигались лампы.

Я, не отрываясь, глядел на сцену — там восхищали меня и гимнасты, и эксцентрики-клоуны, и особенно фокусники. Помню, показывался великан-китаец (на самом деле говорили, что это был просто переодетый ярославский парень страшного роста), который поглощал яйца целиком со скорлупой и затем их изрыгал невредимыми на удивление всей публики. Представление шло под марши и вальсы морского оркестра — музыканты с георгиевскими ленточками на своих белых бескозырках сидели по обеим сторонам открытого театра, а под музыку издали доносилось рыканье отходящего ко сну льва. Потом начиналась феерия, самое интересное, но, увы, запретное для меня зрелище — уже было совсем поздно, папа меня уносил, и, к моему горю, я успевал, оглядываясь по дороге, увидеть издали лишь кусочек начала — какую-нибудь удивительную декорацию с пальмами, море и пристающий к берегу корабль или пещеру, освещённую бенгальским огнём.

Всегда вызывая в памяти такой вечер, вспоминаю белую ночь, звон курантов Петропавловского собора и в прозрачном зелёно-бледном небе крылатый силуэт ангела на вершине золотого шпиля.

Полусонного, отец меня относил к извозчику, чтобы ехать домой, «в кроватку».

Когда наступало первое тепло, не было дня с самого моего раннего детства, чтобы я не ходил играть в ближний сад Медицинской академии. Этот старый, тенистый сад скрывался за академическим зданием с круглым куполом и колоннами и был закрыт для посторонних. В саду рядами стояли липы с толстеннейшими стволами, и в аллеях, где всегда была тень, уютно пахло сыростью и прелым листом. В трещину коры одной из лип я однажды посадил моего оловянного солдатика и вспомнил о нём только на другое лето, найти его уже не мог — он куда-то ушёл, и мне, конечно, пришла на ум сказка Андерсена.

Был в саду и длинный пруд, покрытый плотной ярко-зелёной ряской, и казалось, точно это зелёный пол, по которому соблазнялось пройтись, но пугала легенда, что в этот пруд провалилась одна девочка. А в самой глубине сада, за деревьями, виднелся жёлтый флигель академической клиники, куда было опасно приближаться: там за решётками сидели какие-то страшные сумасшедшие, которые будто бы хватили из-за решётки неосторожных детей. Но это не мешало мне очень любить этот мой сад, и всю жизнь он с очарованием вспоминался.

Такова была моя идиллия петербургского детства и таким сохранился в моей памяти тогдашний Петербург.

Красоты Петербурга, его стройный и строгий вид и державное течение Невы — всё это были мои первые, непосредственные и пассивные впечатления детства, которые и остались родными на всю жизнь, но как художник, «активно» я воспринял Петербург гораздо позже, уже зрелым.

1905-й год провёл резкую черту, и после 9 января невозможно было бы представить себе, например, чтобы могли продолжать существовать балаганы с их прежним добродушием и народным наивным весельем. Все же до самой войны 1914 года, если не до революции, дожили разные петербургские типы, знакомые мне ещё с детства, и ещё держались по привычке многие милые черты петербургского быта, который, впрочем, уже сам себя изживал...

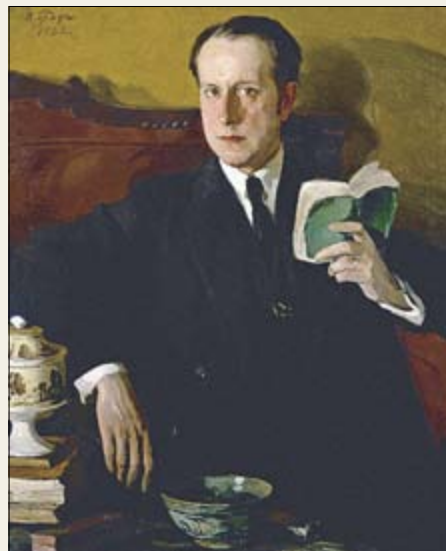
Я пережил в Петербурге все революционные годы. С революцией 1917 года Петербург кончился. На моих глазах город умирал смертью необычайной красоты, и я постарался посылно запечатлеть его страшный, безлюдный и израненный облик. Это был эпилог всей его жизни — он превращался в другой город — Ленинград, уже с совершенно другими людьми и совсем иной жизнью.

Мстислав ДОБУЖИНСКИЙ

Мстислав Добужинский (2 (14) августа 1875 г. — 20 ноября 1957 г.) — русский художник, мастер городского пейзажа, книжный оформитель-график, художник театра, критик, мемуарист. Родился в Нижнем Новгороде в семье военного и оперной певицы. Детские и юношеские годы провёл в Кишенёве, Вильно в Литве, откуда родом был его отец, Петербурге и Мюнхене. С десятилетнего возраста обучался рисованию в петербургской Императорской Рисовальной школе Общества поощрения художников (1885–1887), посещал Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, частную художественную школу Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, а потом и Л. Е. Дмитриева-Кавказского, мюнхенскую художественную школу Антона Ажбе и Шимона Холлоши (1899–1901).

Начало творческого пути художника приходится на 1902 год, с этого времени он начал принимать участие в

Осип Браз. Портрет Добужинского

Вид на Медного всадника и Исаакиевский собор зимой

Эскиз декорации к опере П. Чайковского «Евгений Онегин». 1935 г.

выставках, вступил в объединение «Мир искусства», а позже присоединился к Союзу русских художни-

ков; тогда же Мстислав Добужинский испытывает влияние выдающихся мастеров Серебряного века

Александра Бенуа и Константина Сомова.

В дореволюционный период художник работал в основном в области оформления и книжной графики, в частности иллюстрировал журналы «Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон»; писал исторические картины (его полотно «Пётр I в Голландии», 1910, находится в Третьяковской галерее) и занимался оформлением театральных постановок («Месяц в деревне» И. С. Тургенева (1909) и «Николай Ставрогин» по мотивам произведения Ф. М. Достоевского «Бесы» (1913) в Московском художественном театре; с 1914 года спектаклей антрепризы С. П. Дягилева).

Стекланная улица в Вильно. 1906 г.

Добужинский много и плодотворно работал в жанре книжной графики, в разные годы став автором иллюстраций к произведениям «Слово о полку Игореве», «Дон Карлос» Ф. Шиллера, «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Барышня-крестьянка», «Граф Нулин», «Скупой рыцарь» А. С. Пушкина, «Казначейша», «Поэмы» М. Ю. Лермонтова, «Белые ночи» Ф. М. Достоевского, «Тупейный художник» и «Левша» Н.С. Лескова, «Новый Плутарх» М.А. Кузмина, «Ночной трактир» И. А. Бунина, «Ночной принц» С. А. Ауслендера, «Примус» О. Э. Мандельштама, «Весёлая азбука» Н. Павлович, «Три толстяка» Ю. Олеши, «Микель-Анджело Буонаротти» Г. Грима; «Свинопас» Г. Х. Андерсена и многим другим.

В советское время Мстислав Добужинский начал широкую общественную деятельность. С марта 1917 года он служил в Комиссии по делам искусств при Совете рабочих и солдатских депутатов, являлся членом Совета Государственных трудовых мастерских декоративного искусства и профессором в них. В 1919 году

преподавал в качестве профессора в Институте истории искусств и на кафедре декоративного искусства при Институте фотографии и фототехники. В апреле 1918-го при участии Добужинского был создан Театр Трагедии в Петербурге, где он заведовал художественной частью и оформил несколько спектаклей. Добужинский занимался оформлением Северной столицы к первой годовщине Октября. В ноябре 1918-го был командирован в Витебск, где организовывал художественно-практический институт. Прожив в Витебске

чуть больше года, он участвовал в создании Витебского художественного музея, после чего вернулся в Петроград, где осенью 1919-го открыл собственную художественную студию. До 1922 года работал в созданном при его участии Петроградском Доме искусств, преподавал в разных школах, в том числе и в Академии художеств. Исполнил декорации для Большого Драматического театра.

В 1923-м Мстислав Добужинский едет за границу. Начались его поездки по европейским городам, сотруд-

Канал. Хаарлем. 1910 г.

Гримасы города. 1908 г.

ничество с Дрезденской оперой, где в 1924 году он оформил оперу П. И. Чайковского «Евгений Онегин». В том же году художник получил литовское гражданство, а в 1926-м переехал в Париж, где жил до 1929-го, когда вернулся в Литву. В парижский период он преподавал в Школе декоративного искусства (1926–1928), в частной Художественной академии Т. Л. Толстой-Сухотиной (1928), сотрудничал с театром-кабаре «Летучая мышь» Н. Ф. Балиева. Провёл в Амстердаме персональную выставку и участвовал в организации выставки «Мира искусства» в Париже.

С 1925 года Мстислав Валерианович в качестве художника-оформителя работал для Литовского государственного театра и других европейских театров. В разные годы в ЛГТ он оформил оперу П. И. Чайковского «Пиковая дама» (1925), оперу М. П. Мусоргского «Борис Годунов», оперу Р. Вагнера «Тангейзер» (1930), балет А. К. Глазунова «Раймонда», оперу А. П. Бородина «Князь Игорь» (1934), оперу Ю. Карнавичуса «Радзивилл Перкунас» (1936), балет Н. Н. Черепнина «Тайна пирамиды» (1938) и многие другие.

В 1931 году Добужинский был назначен главным

художником Литовского государственного театра, за год он выполнял костюмы и декорации для четырёх-семи постановок и гастролировал со спектаклями по всему миру. Мастер также оформлял разнообразные постановки в амстердамском Рикка Хопер театре, в брюссельских театрах Де ла Моннэ и Дю Парк, в дюссельдорфском театре, в Рижской опере, в Чехословацком национальном театре и других.

После Второй мировой войны художник одно время жил во Франции, писал книгу своих воспоминаний. Потом переселился в Нью-Йорк, где оформил оперы С. С. Прокофьева «Любовь к трём апельсинам» в Центральной городской опере Нью-Йорка и М. П. Мусоргского «Хованщина» в Метрополитен опера. В последние годы жизни жил преимущественно в Европе, в Париже, Лондоне, Риме.

Осенью 1957 года Добужинский отплыл в США, в ноябре того же года он скончался в доме своего младшего сына в Нью-Йорке. В Америке и Европе художник провёл в общей сложности около 50 выставок: в Париже, Амстердаме, Брюсселе, Копенгагене, Каунасе, Риге, Лондоне, Монреале и Нью-Йорке. Посмертные выставки состоялись в Лондоне, Ленинграде, Сполетто, Вильнюсе, Москве и Нью-Йорке. Работы Добужинского хранятся во многих музейных собраниях и частных коллекциях, в том числе в Бахметевском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк), Государственной Третьяковской галерее, Государственном русском музее.

Иван Соколов-Микитов

ЛЕТО В ЛЕСУ

Хорошо и привольно летом в лесу.

Зелёной листвою одеты деревья. Пахнет грибами, спелой, душистой земляникой.

Громко поют птицы. Пересвистываются иволги, кукуют, перелетая с дерева на дерево, неугомонные кукушки. В кустах над ручьями заливаются соловьи.

В лесу под деревьями рыщут звери. Бродят медведи, пасутся лоси, резвятся весёлые белочки. В тёмной чащобе скрывается разбойница-рысь.

У самой вершины старой ели, в густых ветвях, свили гнездо тетеревятники-ястребы. Много лесных тайн, сказочных чудес видят они с высокой тёмной вершины.

ЛЕТНИЙ РАССВЕТ

Кончилась летняя тёплая ночь. Занимается над лесом утренняя заря.

Над лесными полями ещё стелется лёгкий туман. Прохладной росой покрыта листва на деревьях.

Уже проснулись певчие птицы. Закуковала и поперхнулась спронею кукушка.

«Ку-ку! Ку-кук-кук!» — звонко по лесу раздалось её кукованье.

Скоро взойдёт, обсушит росу тёплое солнышко. Привечая солнышко, ещё громче запоют птицы и закукует кукушка. Растает туман над поляной.

Вот с ночного промысла возвращается усталый зайчишка-беляк.

Много врагов у маленького зайчишки. Гонялась за ним хитрая лисица, пугал страшный филин, ловила разбойница-рысь.

От всех врагов ушёл маленький зайчишка.

ФИЛИН

Перед восходом солнца в глубокое, тёмное дупло спрятался ночной разбойник — филин.

Раскинув огромные крылья, всю ночь неслышно летал он над лесными опушками, высматривал добычу. Даже в ночной темноте хорошо видят его круглые злые глаза. Много зверьков и доверчивых птиц поймал и съел ушастый разбойник.

Бойтся дневного, яркого света филин. Если увидят днём филина птицы, начинается в лесу переполох. Громко трещат сороки, кричат хлопотливые сойки. На этот крик со всех сторон слетаются вороны и ястребы. Даже самые маленькие лесные птички собираются судить и наказывать ночного разбойника, ослеплённого солнечным, ярким светом.

Увидела в дупле ушастого филина проворная попрыгунья-белочка, пронзительно на весь лес заверещала:

«Разбойник! Разбойник здесь живёт!»

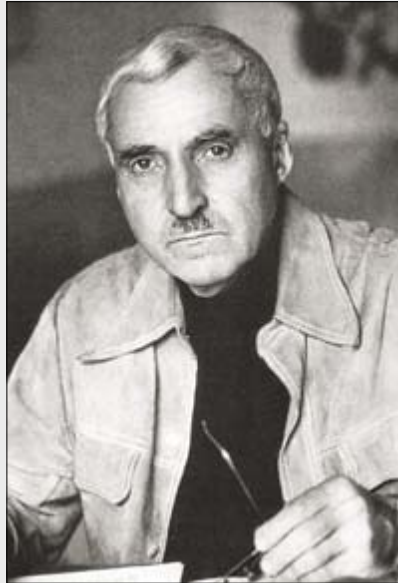

«Если дорог тебе»

В последние годы имя Константина Симонова не так уж часто звучит как на радио, так и на телевидении. Перестройка, сметавшая с «корабля современности» почти всё, связанное с идеологией страны Советов, не пощадила и этого писателя, в творчестве которого главными критериями были правда и человечность. Стоит вспомнить и о том, что такие его стихи, как «Жди меня» и «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», — многими полководцами и историками приравнивались к самому эффективному оружию, ибо поднимали в бой миллионы наших солдат, а в минуты передышки помогали ощутить тепло родного дома и любовь родных сердец. И это — только часть духовного вклада писателя Симонова в нашу историю и литературу.

В конце июля 1941 года Константин Михайлович вернулся в Москву из фронтовой командировки, готовясь к следующей — от газеты «Красная звезда». И переполненный впечатлениями от увиденного и пережитого, на даче у Льва Кассиля в Переделкине написал несколько стихов, и среди них — «Жди меня», «Майор привёз мальчишку на лафете», «Не сердитесь, к лучшему».

«Жди меня» — это послание любимой женщине, актрисе Валентине Серовой, и Константин Михайлович не спешил его публиковать. Но, убедившись в весомой

реакции на эти строки слушателей, он отдал их в газету, и в начале 1942 года они появились в «Правде». И тут уже сыграла свою роль массовая печать: газета доходила не просто до фронта, но и до самих окопов. Поэт Алексей Сурков вспоминал: «Редко можно было встретить на фронте человека, которому не попался бы в руки

номер газеты «Правда», где было напечатано стихотворение «Жди меня...». Его переписывали, заучивали на память, читали и пели. Появились десятки стихотворных ответов на него». И, как вспоминают ветераны, стихи эти не только перечитывали, но и посылали любимым. А слова «Жди меня» даже чертили на броне танков!..

А в санитарных поездах, в прифронтовых госпиталях строки эти, идущие от самого сердца, исполненные дрожащими голосами уже немало повидавших сестричек, были порой спасительнее лекарств. Мне повезло, я хорошо помню, как читал эти стихи сам Константин Михайлович своим грустившим и густым голосом, вобравшим, кажется, всю войну с её потерями и надеждами... Спустия столько лет, — будто слева рвались снаряды, а справа стояла она, Валентина Серова.

В. Серова

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.*

И Валентина Васильевна Серова ждала его, и об этой любви двух известнейших в

твой дом»...

К. Симонов, В. Серова, сын В. Серовой Анатолий

стране людей узнали все, в первую очередь из посвящения автора актрисе, которая стала кинозвездой ещё до войны, когда на экраны вышел фильм «Девушка с характером».

*...Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавшим им,*

*Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Часто выезжая в командировки, в том числе к линии фронта, Константин Михайлович писал жене

так часто, как это позволяла обстановка. «Нет жизни без тебя. Не живу, а переживаю и считаю дни, которых, по моим расчётам, осталось до встречи 35–40. Верю, как никогда, в счастье с тобой вдвоём. Я так

скучаю без тебя, что не помогает никто и ничто...» Но одних писем Серовой было мало, не было рядом отца у Маши, у неё самой — мужа, и часто не с кем было поделиться проблемами — как житейскими, так и творческими.

Последние годы жизни талантливой актрисы превратились в трагедию, которая не всякому человеку по плечу. Лауреат Сталинской премии, неслыханно популярная и благодаря фильму «Сердца четырёх», она осталась без любимой работы — и в кино, и в театре Киноактёра, и это окончательно подорвало её моральные и физические силы. Когда она умерла, Симонов был далеко от Москвы, но смог прислать 58 красных гвоздик — по числу прожитых ею лет, как будто в последний раз попросил: «Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло...» И пришёл день, ког-

На фронте

К. Симонов и А. Твардовский

да они встретились — уже навсегда.

Так закончилась эта история, а стихотворение «Жди меня» до сих пор продолжает жить и волновать многих, чьи судьбы волею обстоятельств оказываются оторванными друг от друга: это жёны и их мужья — моряки, военные в дальних командировках и солдаты срочной службы. И просто любящие сердца.

Вспоминая войну, не забудем и то, что Симонов не раз и не два сам участвовал в боях с немцами. В июле 1941 года он выбирался из окружения на территории Белоруссии, в крымских боях ходил в атаку. Сталинград, Одесса, Курская дуга, Югославия — вот неполный перечень его фронтовых маршрутов, и не только в качестве корреспондента. Вот почему за каждой строкой его стихов и прозы — личный опыт войны, реальная картина как судьбы страны в это время, так и судьбы каждого конкретного человека, чьи образы нам дороги до сих пор.

*Ты помнишь, Алёша, дороги
Смоленщины,*

*Как шли бесконечные, злые
дожди,
Как кринки несли нам
усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя
их к груди...*

Это стихотворение Симонов посвятил другу, также известному поэту Алексею Суркову. Их связывала не только творческая, но и фронтовая дружба. Отсюда такая доверительность в каждом слове, столько тепла, в том числе и к своему товарищу по перу.

Громадным духовным зарядом отмечена не только лирика Константина Симонова, но и такие его известные прозаические произведения, как «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются». В самые трудные годы, в том числе цензурные послевоенные, он умудрялся отстаивать подлинную культуру, в том числе на посту главного редактора журнала «Новый мир», помогал многим писателям в чисто житейских вопросах и свой авторитет заставлял работать на истинную духовность. Авторитет у него был действительно весомый. Герой Социалистиче-

ского Труда, лауреат нескольких Государственных премий, Депутат Верховного Совета СССР... Плюс к этому большая работа в Советском комитете защиты мира, в Союзе писателей СССР... На такой высоте признания у иного бы и голова закружилась, и правда жизни не особенно бы часто заявляла о себе. Но Константин Михайлович слишком хорошо знал цену — и мирной тишине, и настоящей творческой победе.

О том, что победы его были действительно настоящими, говорит то, что мы до сих пор помним фильмы, поставленные по его книгам — «Живые и мёртвые», «Двадцать дней без войны», пьесы «Парень из нашего города», «Русские люди», и такие стихи (помимо «Жди меня» и «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»), как: «Если дорог тебе твой дом...», «Если Бог нас своим могуществом...», «Умер друг у меня — вот какая беда...» и многие другие. Потому что в них до сих пор бьётся сердце великого сына великой родины. И счастье — знать и помнить об этом.

Где родился, там и пригодился!

сказка
о
пирожке

В нашем царстве-государстве жил-был пекарь Пирожок. Работал он с утра до ночи, выпекая свои пирожки: с мясом, рыбой, грибами, капустой, повидлом. И стар и млад любили с пылу с жару румяные пирожки. Даже пословицы и поговорки сочиняли: «Пирог на стол — праздник в дом», «Не красна изба углами, красна пирогами», «Большому пирогу и рот радуется».

Узнал про это бизнесмен из-за океана коммерсант Биг Мак. Решил он подружиться с Пирожком на коммерческой основе.

Приехал он в наше царство-государство и говорит Пирожку:

— Хорошо дела идут твои, Пирожок, но и отдыхать тоже нужно. Приглашаю

тебя отдохнуть у меня в Майами, лучшего места на всём свете не найти. А пока ты будешь отдыхать, я присмотрю за твоими пирожками.

Поехал Пирожок отдыхать за океан, ничего не подозревая.

А Биг Мак тем временем пришёлся ко двору. Понравились его биг маки, с новым современным вкусом — идентичным натуральному. Для этого из-за океана прибыла целая армия помощников — пищевых добавок: усилитель вкуса, консервант, краситель, загуститель, стабилизатор, эмульгатор.

Развернулся он на широкую ногу. Вывески «Пирожковые» сменил на «Макдоналдс».

А тем временем заскучал Пирожок по своему любимому делу. Пора возвращаться.

Возвратился Пирожок домой. Что ж он видит? Всё везде изменилось. Кругом снуют одни биг маки. Пирожками и не пахнет. А на пороге его дома стоит сам коммерсант Биг Мак и, улыбаясь голливудской улыбкой, говорит:

— Отдохнул, пора за работу. Будешь у меня работать. А если не хочешь, то уходи на все четыре стороны.

— Не бывать этому! — возмутился Пирожок. — Крепки традиции нашего народа. Я нужен всем и в праздник и в пост. А ты, Биг Мак, убирайся туда, откуда пришел!

Не хотел Биг Мак уходить. Но узнал о том, что пекарь Пирожок снова работает и народ потянулся к нему — покупать пирожки с мясом, капустой, повидлом... А Биг Маку пришлось уехать домой.

— Где родился, там и пригодился! — говорит пекарь Пирожок.

Записка

На одной перемене к Коле Рыжику подошёл друг Алёша Смирнов и сказал, при этом смущаясь и краснея:

— Слушай, Коль, я хочу Катю Ложкину в воскресенье пригласить в кино, но мне неловко, боюсь.

— В чём проблема-то? — удивился товарищ. — В кино за твой счёт что не сходить? Я бы и то пошёл. Ты бы меня мороженым угостил или лимонадом, в автоматы бы поиграли. Только, чур, рассчитывать будешь сам!

— Да нет, у меня с деньгами туговато.

— У предков попроси, пусть раскошелятся, ерунда какая, — пожал Коля плечами.

— Да у меня мама с папой уехали, я сейчас с тётей Тоней общаюсь, а у неё неудобно просить.

— Брось ты про неудобно! Попроси, я уверен, она даст, ты ведь вернёшь.

— Подожди, давай с Катей разберёмся. Я не знаю, как её приглашать, вдруг растеряюсь и собьюсь, опозорюсь, она смеяться будет.

— Ну, ты какой-то странный: «боюсь», «собьюсь», «неудобно»! — передразнил Алёшу Коля. — Смелее будь! Хочешь, помогу?

— Да я за этим и пришёл.

— Я напишу две записки, ты выучи текст и потом смело говори. Всё о'кей будет.

— Спасибо, с записками ты здорово придумал. Когда напишешь?

— Да хоть сейчас. Если говорить стесняешься, тогда положи записки каждой куда-нибудь, чтобы они обнаружили, и всё будет в лучшем виде.

Коля достал ручку, попросил у Алёши бумагу и стал сочинять. Для тёти он написал: «Мне нужно срочно пятьдесят рублей. Клинусь, атдам. Принеси к кинатиатру Радуга к шести вечера. Алёша». Вторая записка предназначалась Кате Ложкиной: «Приходи к кинатиатру Радуга к семи вечера, ни апаздывай, буду ждать, Алёша».

— Вот и все дела! — воскликнул Коля, отдавая Алёше послания. — Тёте положи в левый карман, Ложкиной в правый.

После школы Алёша ждал Катю на крыльце. Озвучить текст духу не хватило. Она вышла, он протянул ей сложенный листок и сказал:

— Вот, это от меня. Прочти дома. Жду завтра.

Катя взяла бумагу и положила в карман. Алёша пошёл в свою сторону, надо успеть на сольфеджио. Тёте Тоне он оставил записку рядом с телефоном, так как сказать постеснялся. Она придёт завтра готовить обед и увидит её.

Всю ночь Алёше снилась Катя. Они ходили по улицам, взявшись за руки. Весь день мальчик был рассеянным и ничего вокруг не замечал. В шесть часов вечера ждал Катю возле кинотеатра. Она пришла, но не одна, а вместе со своей мамой. Катя подошла и протянула ему 50 рублей.

— Возьми.

Алёша, удивившись, спросил:

— Зачем?

Катя пожала плечами:

— Раз тебе надо. Я не знаю.

И направилась за своей мамой. Алёша, ничего не понимая, стоял в растерянности. Вдруг услышал голос тёти Тони:

— Привет! Какой фильм будем смотреть? Хорошо, что ты меня в кино вытянул. Сейчас билеты куплю, постой здесь.

И она направилась к кассам.

Потом они прошли в зрительный зал и сели на свои места. Алёша увидел, что к ним идут Катя с мамой.

Катя села рядом. Он замер от радости. Про что был фильм, не вникал. Смотрел на экран, но ничего не замечал. Боялся пошевелиться, чтобы только Катя не убрала с подлокотника локоть, который слегка соприкасался с его рукой. Иногда Алёша искоса посматривал на Катин профиль и думал только об одном, чтобы кино продолжалось долго и чтобы Катя находилась рядом.

Фильм закончился, зажёгся свет, и Катя ему сказала:

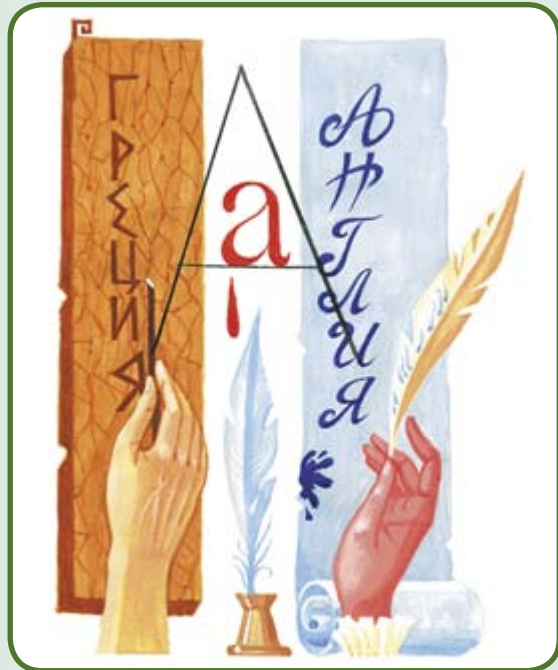
— Алеша, у тебя проблемы с русским. Мы можем вместе у нас дома заниматься, моя мама — учительница русского языка. Приходи, занятия — бесплатные! Придешь?

Его осенило: второпях он не прочитал записки и перепутал их!

— Конечно, — согласился Алеша, покраснев. — Деньги забери, а записку верни мне на память!

«Табула раза»

В переводе с латинского это выражение переводится как «чистая дощечка». Сегодня оно употребляется тогда, когда мы хотим озвучить что-то неопределённое, неустановившееся, к примеру, детскую память, ведь в ней запечатлеться мало что успело. Откуда же возникли столь сложные ассоциации для достаточно простых слов?

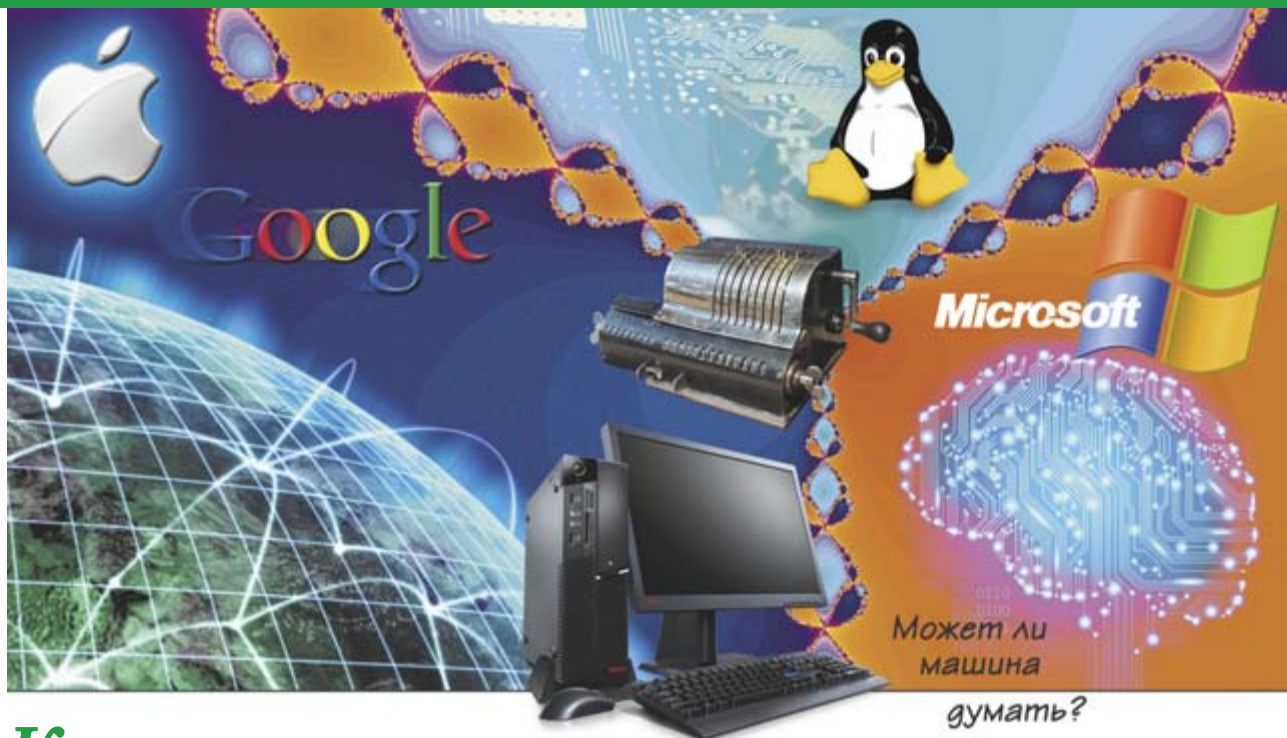
До того момента, когда письменность осуществлялась на папирусах, пергаменте, коже, древние люди писали на навощённых дощечках и табличках. Писали в те времена острыми с одного конца, деревянными палочками — стилосами. Ненужные записи стирались другим концом стилоса — тупым, и дощечка вновь была чистой. Отсюда и пришло сравнение чего-то нетронутого, первозданного. Это устойчивое словосочетание «табула раза» «создал» философ из Англии, именно он сравнил чистую табличку с неискушённым сознанием маленького ребёнка, в душе которого не оставили следа реалии и воспитание современного мира. Вскоре это выражение стало встречаться во многих языках мира.

Этот исторический факт стал прародителем и ещё одного образного слова — «стиль». Древние римляне, подчеркивая, что у кого-то хорошее орудие для письма, говорили: «У него хороший стиль». Сегодня слово «стиль» употребляется, когда речь идёт о манере письма, выражения на бумаге мыслей.

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ № 1–6 за 2015)

Компьютеры

Сегодня компьютер знаком и интуитивно понятен даже пятилетнему ребёнку. Но каких-нибудь 30 лет назад компьютер был огромным, занимающим целую комнату, устройством, к работе с которым допускали лишь специально подготовленных специалистов. Стоил он очень дорого, и не было даже и речи о том, что кто-либо сможет приобрести его в личное пользование и решать на нём собственные задачи.

Историю компьютера, или устройства для облегчения вычислений, обычно прослеживают от счёта, придуманных в древнем Вавилоне примерно в 3 тысячелетии до н.э. В России десятиричные счёты с косточками, насаженными на проволоку, использовались с XVI века. История более сложных механических вычислителей тоже насчитывает многие столетия. Например, логарифмическая линейка была придумана в 1630 году. В 1642 году первый, если можно так выразиться, «механический компьютер» построил Блез Паскаль. Устройство суммировало и вычитало пятизначные десятичные числа. А в XIX веке арифмометры уже выпускались промышленным способом.

Первую вычислительную машину Z3, обладающую всеми свойствами современного компью-

тера, использовавшую двоичную систему счисления, построил в 1941 году немецкий инженер Конрад Цузе. Он же был автором первого языка программирования высокого уровня. В 1946-м американцы представили публике машину ЭНИАК, разрабатывавшуюся в недрах военного ведомства с 1943 года. А в 1950-м — группой С. А. Лебедева была создана первая советская вычислительная машина. Это были первые образцы — далее развитие вычислительной техники продолжалось с постоянно возрастающей скоростью. Эту закономерность называют законом Мура. Гордон Мур — один из основателей компании Intel — сформулировал его в 1965 году.

Первое поколение компьютеров напоминало динозавров: огромные, неповоротливые, с медленной памятью, на входе — перфокарты, на выходе — примитивный принтер. Процесс отладки программ был долгим и мучительным. Сейчас встретить такие компьютеры, так же как и реальных динозавров, можно только в музее. Появление привычных современному человеку компьютеров связано с наступлением эры персональных компьютеров (ПК). Термин ПК впервые применила фирма Olivetti в 1964 году.

Но очень много для его популяризации было сделано фирмой Apple, выпустившей свой первый массовый компьютер в 1976-м.

Современный компьютер состоит из: центрального процессора; памяти, которую подразделяют на встроенную и внешнюю; дисплея и устройства ввода. Устройством ввода может быть клавиатура, мышь или сенсорный экран, совмещающий таким образом устройство ввода с устройством вывода. Для подключения внешних устройств предусмотрены различные гнезда. Элементная база — как правило, интегральные микросхемы, которые постоянно совершенствуются в смысле надёжности, миниатюризации и энергопотребления. Компьютеры, предназначенные для работы с людьми, как правило снабжены графическим интерфейсом — в таком виде человек легче воспринимает информацию. В зависимости от назначения компьютеры могут быть различных видов: ноутбук; карманный, планшетный или сетевой компьютер; игровая приставка; рабочая станция; сервер; мейнфрейм; бортовой компьютер автомобиля и многие другие...

Компьютер вошёл практически во все сферы современной жизни, при этом многие из них изменились до неузнаваемости. Разработанный главным образом для инженерных вычислений, он вскоре нашёл применение при обработке и хранении больших объёмов информации. Менялись и способы записи информации: от примитивных перфокарт к магнитным лентам, магнитным и оптическим дискам. Становясь всё более удобным и простым в применении, задал новый стандарт в коммуникациях: сегодня Интернет и электронную почту используют многие миллионы простых пользователей. Было кардинально преобразовано издательское дело: если раньше для подготовки книги нужны были десятки людей — сейчас один человек с компьютером. Получается, что компьютеры нужны везде: они управляют производством, летают в космос, помогают строить дома, предсказывают погоду, продают билеты на поезд, снимают кино, играют с детьми и делают ещё много самых разных дел.

В своих областях (вычисление, хранение информации) компьютеры значительно превосходят человека. Даже в шахматы компьютеры научились выигрывать. Так, может быть, пришла эпоха роботов — человекообразных существ, собранных из микросхем? Сейчас, когда роботы действительно входят в нашу жизнь, этот вопрос особенно уместен. Само слово «робот» было придумано чешским писателем Карелом Чапеком в 1920 году. А 20 лет спустя другой писатель Айзек Азимов сформулировал три закона робототехники. В соответствии с ними робот не может причинить человеку вред своим действием или бездействием. Но что является отличительной особенностью человека? Биологическое происхождение, интеллект? А если интеллект робота превосходит человеческий интеллект? Именно поэтому многие возражают против исследований, нацеленных на создание искусственного интеллекта. Пока робот является очень умелым слугой, подчиняющимся программе, всё в порядке, но стоит ему задуматься над этическими вопросами, возможны самые непредсказуемые сценарии...

Арифмометр Блеза Паскаля. 1642 год

Конрад Цузе рядом со своим компьютером Z3

Мемориальная монета, посвящённая Цузе. 10 Евро

Советская ламповая ЭВМ «Урал-1». 1955 год

Так выглядят современные промышленные роботы

УГОЛОК
РОССИИ

Сергей Иванов

Инкерман

Первых римских христиан ждали распятия и ссылки. Не обошли страдания и одного из первых римских епископов, апостола Климента, ученика апостола Петра. За проповедь христианства император Траян сослал его на далёкую окраину империи, в холодный, населённый дикими скифами и таврами Крым.

Если император желал обречь Климента на одиночество, он просчитался. Немало друзей пошли за римским папой в ссылку, и ещё больше христиан епископ нашёл в каменоломнях, куда определили его на каторжные работы. Вопреки ожиданиям язычников, святой не утерял веру в Бога. Напротив, он начал проповедовать среди крымчан. Со всех концов страны приходили к нему люди, жаждавшие слова истины. Церковные историки сообщают, что святой Климент крестил иной раз в день по 500 человек новообращённых. Он основал в каменоломнях церковь и, видимо, собрал что-то вроде первоначального монастыря — христианскую общину. Здесь он совершил одно из первых своих чудес. Каторжники на каменоломне изнывали от жажды — нигде в округе не было источника. Святой Климент обратился с молитвой к Богу. Верующие присоединились к этой молитве, и место будущего источника было указано. Святой Климент ударил лопаткой в скалу, и оттуда забила вода.

Каменоломни, куда ссылали римских христиан, находились недалеко от древнего Херсо-

неса, в самом дальнем конце нынешней Севастопольской бухты, на берегах речки Чёрной. Здесь, в нынешнем Инкермане, добывали крымский мрамор и песчаник, из которого строили здания не только в Херсонесе, но и в других городах Римской империи.

Камень там добывают и до сих пор. Многие дома в Крыму построены из него. Вмешательство человека, многовековой труд существенно изменили пейзаж Инкермана, и мы не можем уже сказать, как выглядели эти места при епископе Клименте. Но пещерный храм, который святой Климент собственноручно вырубил в каменном обрыве, существует до сих пор, в Свято-Климентовском монастыре, который основал (или возобновил) в Севастополе в XIX веке митрополит Иннокентий Таврический. Этот храм сейчас посвящён апостолу Андрею. Рядом с этой крошечной пещерной церковью, где едва может поместиться несколько человек, позже появились ещё два пещерных храма.

Когда римские императоры прекратили борьбу с христианами, вокруг пещерной церкви возник целый город. В Средние века он назывался «Каламита». По одной из версий, именно здесь, в пригороде Херсонеса, крестился наш князь Владимир. Правда, большинство историков эту версию не разделяет. Во всяком случае, крещение Владимира самым прямым образом связано с личностью святого Климента, папы Римского. Тогда князь

Владимир увёз из Крыма драгоценные мощи — честную главу мученика Климента — и построил в Киеве церковь в честь этого святого.

Сейчас от Каламиты остались лишь руины, по которым только археолог может воссоздать точный план бывшего поселения. Но и неспециалисту видно, что город этот был необыкновенный. В нем сочетались наземные постройки и подземные жилища.

Каламиту окружали крепостные стены и обрывы. Обрывы не только защищали город, но были заселены. По косвенным признакам учёные предполагают, что населяли пещерные помещения монахи. Скорее всего, Каламита была не простой крепостью, а целым городом-монастырём. Здесь жили православные римляне, а затем готы, подданные княжества, которое называлось «Дори», «Дорос» или «Феодоро». Столицей княжества был пещерный город Мангуп.

Точное значение слова «Дори» неизвестно. Существует много версий: начиная от привязки к грекам-дорийцам и кончая переводом на кельтский — у кельтов похожее слово означает «крепость». Название также может быть связано с именем святого Феодора, одного из небесных покровителей готов.

Греческий корень «фео» («тео», то есть «Бог») в названии страны готов говорить об их особой

набожности. Судя по этому имени, их государство действительно могло быть страной городов-монастырей. Его аналоги на западе Европы — монашеско-рыцарские ордена, а у православных — монашеское государство Афон, Троице-Сергиева лавра, Соловецкая крепость.

Возможно, в Феодоро епископам принадлежала не только духовная власть, но и светская. Во всяком случае, когда на страну Дори напали хазары, сопротивление возглавил епископ Иоанн Готский — об этом повествует его Житие. А один из последних князей Феодоро, Константин, стал после падения княжества русским монахом под именем Кассиан. Он жил в Белозерском монастыре, дружил с Нилом Сорским и затем даже основал свой собственный монастырь на Волге, недалеко от Углича.

После готов крепостью завладели турки. Они то и дали современное название этой местности — «Инкерман». И только в девятнадцатом веке древний Климентовский монастырь возродился. На территории монастыря появились ещё две наземные церкви. Монастырь посещали русские императоры, в том числе Александр Третий и Николай Второй с семьями. Прямо к главному храму монастыря была подведена железная дорога, и севастопольские прихожане приезжали на службу поездом.

Святой Климент, как и его учитель апостол Павел, умер мученической смертью. Руководившие Херсонесом Таврическим языческие вожди и жрецы не могли простить ему смелой проповеди. Сведения об успешной миссионерской деятельности епископа дошли и до императора Траяна.

Император приказал своему легату Анфидиону с отрядом легионеров отправиться в Херсонес и казнить проповедника. Анфидион выполнил волю Траяна — арестовал епископа и примерно наказал сотни других христиан, которые были паствой Климента. Святого увезли из каменоломни и утопили в бухте, которая сейчас называется Казачья, на глазах многочисленных зрителей, привязав ему на шею корабельный якорь. Так гласит житие святого Климента.

Историк Севастополя Владимир Шигин считает, что святой был принесён в жертву языческим богам. Может быть, той самой богине Деве, которой поклонялись древние тавры и греки Херсонеса. Ведь иначе трудно объяснить, зачем арестованного перевезли в Казачью бухту. Достаточно побывать в Севастополе или хотя бы взглянуть на карту города, чтобы понять, какое значительное расстояние отделяет бухту от Инкермана. Сейчас это два противоположных конца огромного города. Значит, приговорённого к казни нарочно везли мимо жилых домов Херсонеса и окрестных деревень, чтобы все увидели, как власть расправляется с христианами. Это была, безусловно, показательная казнь. Возможно, за лодкой, в которой находился связанный святой, следовали на своих челнах местные жители — кто-то со злорадством, а иные — с сочувствием к епископу.

По сути дела, святого везли в сторону мыса Фиолент, где, как считают многие, находился храм кровавой богини Девы. Но до Фиолента епископ и его мучители не добрались, остановились примерно на полпути, в Казачьей бухте. Наверное, они решили, что дальше берега без-

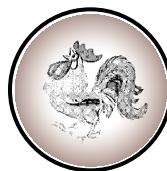
людны и показательную казнь никто не увидит. А может быть, в бухте тоже находилось святилище какого-нибудь идола. Так или иначе, святого мученика бросили в воду неподалёку от безымянного островка, на мелководье. Одновременно с ним приняли мученическую смерть и другие христиане Крыма.

И сразу явились чудеса. В бухте вдруг начался отлив, и вода отошла от берегов на целых семь дней. Тайные последователи епископа в это время отыскивали его тело и похоронили на маленьком песчаном островке. И с тех пор в день мученической смерти святого Климента море отступало на неделю по крайней мере вплоть до шестого века. В эти дни херсонесские христиане привозили на островок переносную церковь, устанавливали её над гробницей святого и служили литургию. Больные старались прикоснуться к якорю, утянувшему под воду святого Климента, и многие одержимые бесами исцелялись. Затем на острове был сооружён небольшой монастырёк. Его остатки раскопали русские археологи в XIX веке.

Читать об этом чуде без изумления могут лишь те, кто не бывал на Чёрном море. А те, кто там бывал и достаточно наблюдателен, сразу вспомнят, что на Чёрном море приливов не бывает. Некоторые даже шутят, что это не настоящее море, раз на нём нет морских приливов. Связана эта особенность с географическим положением водоёма — Чёрное море соединяется с океаном лишь узкими проливами, и океанские приливы попросту не доходят до этих берегов. Нигде, кроме Казачьей бухты!

Нынче Инкерманский монастырь окружен со всех сторон приметами «железного века». В нескольких метрах от пещерных храмов ездят электрички и тяжелые грузовые поезда. Однако тайны крепости Калимиты по-прежнему хранятся в её развалинах. Древний Инкерман готов стать дверью в прошлое, если найдутся исследователи, готовые разгадывать его тайны по крупицам.

Внутренняя улыбка

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Безотосная
Художник О. Ионайтис

Скворец Тихон с детства мечтал стать умной, образованной птицей. Он получал двойки только по физкультуре и не придавал им никакого значения.

— Когда-нибудь я буду профессором, — напевал Тихон, перелетая с ветки на ветку. — Зачем мне спорт?

Жаворонок Макс придерживался иного мнения. Они с Тихоном познакомились на зимовке в Северной Африке. А весной скворец пригласил Макса в родной лес.

— Сколько у тебя деревьев! — удивился Макс, когда они прилетели с зимовки. — А я привык по лугам и полям скитаться. Но, так и быть, погощу у тебя недельку или месяц...

Гостевую жизнь Макс начал с зарядки. Жаворонок вставал в пять утра, отпивал немного росы с листьев и летел будить скворца на тренировку.

— Тиша, просыпайся, — говорил Макс, тормоша клювом сонного скворца. — Встряхнём пёрышками на физкультуре! У тебя какой размах крыльев?

— Тридцать семь сантиметров, — ворчливо бормотал Тихон, отпихиваясь от спортивного гостя. — Я попозже, вечером позанимаюсь...

— Как говорил мой японский тренер, — не унимался жаворонок, — один час утренней тренировки заменяет три часа вечерней! Вставай, скворец! А, то мне ещё арию «Заморского гостя» спеть надо. Не привык я на концерт опаздывать!

— А мне географию повторять надо! Не могу я время на физкультуру тратить. — Скворец поворачивался к жаворонку зеленовато-синей спинкой и вновь погружался в сон. — Скоро кон-

трольная по зарубежной географии. Не напишу контрольную — не стану профессором. Понял?..

Жаворонок вздыхал, обеспокоенно смотрел на первые лучи солнца и стремглав летел на тренировку. Так проходила весна.

Остальная лесная публика с интересом наблюдала за мастером спорта. Многие пробовали повторять его упражнения и вскоре почувствовали прилив не только физических сил, но и душевных.

— Главное — внутренняя улыбка, — объяснял жаворонок любознательным лицам. — Настраивайтесь на хороший лад.

— А если травмы будут? — спросила белочка.

— Перегружаться нельзя, — серьёзно ответил жаворонок. — Выбирайте упражнения, которые вам понравились, и выполняйте их, не торопясь...

Вскоре вокруг жаворонка собралось целое спортивное общество. На утренние занятия к Максиму прилетали даже совы после ночной вахты. А по окончании тренировок все птицы и звери бодро расходились по своим делам, напевая «Марш физкультурников». Один лишь скворец не приобщался к спорту. Он готовился к научной деятельности. Тиша много спал, мало двигался и хорошо кушал. При столь сложной жизни скворец растолстел, у него появились одышка и слабость во всех пёрышках. Летал Тиша всё тише и тише. Сил на занятия географией не оставалось...

Контрольную проверял старший преподаватель Воробей Иванович. Он вызвал к себе скворца и долго смотрел на него, огорчённо поблёскивая маленькими карими глазками. Тиша покорно ждал, смущённо переминаясь с лапки на лапку.

— Ты что в тетрадке начирикал о странах и континентах? — строго спросил Воробей Иванович. — На каждой странице — ошибка! Скворец, с такими знаниями ты собственного гнезда не найдёшь! Я уже не говорю о том, чтобы в командировку слетать или в отпуск!

— Тройку хотя бы поставите, Воробей Иванович? — пролепетал Тиша.

— Ты даже двойки не заслуживаешь! — всплеснул крыльями старший преподаватель. — Ступай в дупло и за-

нимайся на совесть! К экзаменам я тебя не допускаю. Осенью придёшь!

— Я осенью на зимовку улетаю в Северную Африку, — растерялся Тиша.

— А не заблудишься? — взъерошил старший преподаватель. — Ты Африку со Швейцарией перепутаешь! И не мечтай, скворец! Пока географию не выучишь, за границу не полетишь!..

Расстроенный Тихон не помнил, как очутился на пороге родного скворечника. В памяти вспыхивал сердитый взгляд Воробья Ивановича. А его недовольное чириканье, казалось, звучало с каждого дерева. Светило солнце, наступало лето. А скворец неподвижно сидел на ветке, горестно склонив голову.

— Тиша, дружище! — Серебристый голос жаворонка закружился в тёплом лесном воздухе. — Ты опять задремал? — Макс подлетел к скворцу и взглянул ему в глаза. — Не спишь и грустишь? — удивился Макс.

Скворец нехотя кивнул.

— Профессором не стал? — догадался жаворонок. — А почему?

— Не спрашивай, Макс, — отмахнулся крылом Тиша. — Я пережил научную драму. Вот и всё!

— А по-моему, ты плохо учил уроки, — возразил жаворонок.

— У меня сил на них не было, — проворчал скворец.

— Потому что за здоровьем не следил. Зарядкой не занимался. — Максим встряхнул коричневыми пёрышками и молодцевато прошёлся по веточке берёзы. — Прилетай по утрам на физкультуру, дружище! Мы на сосновой поляне собираемся с восходом солнца!

— Какая романтика! — съязвил Тиша. — Лучше я в скворечнике посплю тихо и спокойно!

— Не пойдёшь на физкультуру — сам за тобой приду! И друзей приведу! — рассердился жаворонок...

На следующее утро жаворонок увидел пустой скворечник, а знакомая галка передала Максу берестяную записку от скворца: «Я ушёл в науку. Не вздумай меня разыскивать».

Несколько минут жаворонок молчал, а потом бросился разыскивать скворца по всему лесу. «Одна у него “наука”: есть и спать! — думал Макс, заглядывая в разные скворечники. — Не сможет он образованным стать без физической подготовки!»

Тихон предчувствовал поведение друга. А потому остатки сил употребил на то, чтобы избежать встречи со спортом. Прихватив с собой побольше еды и подушку помягче, Тихон путешествовал от дерева к дереву. В огромном лесу скворец надеялся разминуться с жаворонком.

Случайно Тиша забрёл на пустынную сосновую поляну. Время шло к полудню, и тренировка давно закончилась. Остались только плакаты «Да здравствует лес!» и «Приветствуем белку — чемпионку спартакиады!». Скворец медленно прошёлся по поляне. Тиша представил себе, что он — чемпион каких-нибудь хороших спортивных игр. А все птицы и звери аплодируют ему и дарят семечки. «Никогда этого не будет», — вздохнул скворец. Внезапно рядом с плакатами Тихон заметил небольшое объявление. Он узнал почерк

жаворонка. Скворец подлетел поближе и прочитал:

«Разыскивается ленивый скворец, переживший научную драму! Рост двадцать два сантиметра, размах крыльев — тридцать семь. Спина сине-зелёная, брюшко коричневое. Походка вялая. Поведение — неспортивное. Особая примета: зовут Тихоном. Просьба сообщить о нём жаворонку Максу в чистое поле. Вход свободный».

Скворец вспорхнул на сосновую ветку и задумался. Заниматься спортом ради аплодисментов? Нет, он любил географию и хотел сделаться профессором-путешественником. Скворцу предстояла большая работа, а она потребует много сил. «Если запишусь в спортивное общество, у меня ещё и друзей прибавится. — Тиша вдыхал чистый сосновый воздух и чувствовал, что в голову приходят умные мысли. — Дружья и здоровье! Ради этого стоит ходить на зарядку!»

На следующее утро Тихон прилетел на сосновую поляну раньше жаворонка.

— Тиша! — обрадовался Макс, увидев нового спортсмена в своей команде. — Наконец-то ты познакомишься с физической культурой! Начнём с разминки, а затем...

— Подожди! — остановил Тиша своего крылатого тренера. — Ты скажи, что главное в твоей науке?

— Внутренняя улыбка! — хором сказали птицы и звери. — Сохраняй в себе внутреннюю улыбку...

«И собака ушла, с благодарностью виляя хвостом. Не многие люди могли бы так сделать!»

«Мёртвые души» отразили жизнь и быт заплохшего человека и как из живых людей могут быть мёртвые.

Александр Сергеевич всецело стоит на рельсах Петра I, всегда и всюду поддерживая мнение Петра I по основанию Петербурга.

Аммиак получают синтаксическим способом и применяют для выведения человека из бессознания.

Армия полностью состояла из недобитых офицеров и казаков.

Базаров против любви и всего такого.

Богдан Хмельницкий послал русскому царю телеграмму.

Больше всего он любил свою лошадь — овчарку Хильду.

Борис Годунов был помещик, он старался поступить на место царя.

Мария ЖУКОВА,
13 лет,
Ленинградская обл.,
г. Сертолово

*Преподаватель —
Майя Владимировна
Булка, учитель русско-
го языка, руководитель
школьной литератур-
ной студии «Логос»*

* * *

За окном дождь...
Чистые, светлые капли...
Словно в этот
Предутренний час
Небеса плакали.
Может быть, потому они плакали,
Что в мире есть ещё зло...
Чистыми, светлыми каплями
Омывая стекло...
В жаркий день
На улице летом такая жара!
И дворник Семён поливает с утра
Люпины, тюльпаны, лилейник, ромашки...
Тюльпанам завидуют Стёпки и Машки:
— Ну дядя Семён! Нас полей хоть немножко!
А мамы ребятам грозятся в окошко...
На улице летом
Такая жара!
А дворник Семён поливает с утра,
Но он поливает теперь ребяткишек —
Анюток, Степашек, Светланок и Гришек.
— Польёшь нас ещё? Ну немножко, чуть-чуть!
— А мама что скажет, мой друг? Не забудь!

Пудель

Пудель совсем растерялся —
В луже он вдруг оказался!
В луже наш друг одиноко стоит,
По сторонам удивлённо глядит:
Идти ему вправо?
А может быть, влево?
Смеются хозяйки, Алина и Ева!
Идти ему влево?
А может быть, вправо?
А может, остаться?
Не знает он, право!

Бон

В зоопарке жил тигрёнок,
Не имел полосок он,
И о чёрненьких полосках

Всё мечтал тигрёнок Бон.
Вот однажды утром ранним
Бон отправился гулять.
Шёл и думал: — Вдруг удастся
Мне полоски отыскать?
Видит — зебра! Сто полосок!
Просит: — Поделись со мной! —
Зебра гордо отвечает:
— Не получишь ни одной! —
Грустно плачет наш тигрёнок.
К стенке клетки он идёт,
Спинкой прислонился, ждёт:
Может, клетка даст полосок
Даром, денег не возьмёт?
— Бон, иди домой скорее! —
Мать тигрёночка зовёт.
Видит — Бон ступает гордо,
Сто полосок, чёрных-чёрных,
На спине своей несёт!

Кактус

I
Анюта в комнату вошла
И принесла с собою
Весёлый кактус, весь в шипах,
С зелёной головою.
Ах, как встревожились цветы,
Увидевши соседа,
И меж собою принялись
Вести о нём беседу:
— На что ты годеи! Весь в шипах! —
Герань ему сказала.
А Кактус тихо промолчал —
Ему обидно стало.

II
Анюта в гости собралась
И унесла с собою
Весёлый Кактус, весь в шипах,
С зелёной головою.
Анюта Кактус отдала
Весёлому соседу,
Но всё вели её Цветы
О Кактусе беседу...

III
Себя на полке у окна
Счастливым Он считает,
И от заботы и любви
Весною... расцветает!

* * *

Был прекрасный летний вечер.
Вдруг, откуда ни возьмись,
Дождь, сквозь солнце пробиваясь,
Голубую занял высь!
Сонмом золотых росинок
Он весь мир окутал!
Видно, осень с летом синим
Дождик перепутал...

Наш ВЕРНИСАЖ

1

4

2

3

ИЗОСТУДИЯ «ВДОХНОВЕНИЕ»

г. Химки, лицей № 15

Руководитель изостудии Карачевцева Анжела Павловна

1. Степанова Дарья, 11 лет.
- 2, 3. Васютина Алина, 13 лет.
4. Шувалова Наталья, 12 лет.
5. Дворникова Евгения, 12 лет.
6. Кошман Артем 11 лет, Чернышов Владимир, 11 лет.
7. Гусева Елизавета, 12 лет

5

6

7

РОМАН-ГАЗЕТА **7** етская

2015 (193)

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Лето в лесу

*Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;*

*Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.*

А. С. Пушкин
«Евгений Онегин»

М. Добужинский. Иллюстрация к «Евгению Онегину»

РАССКАЗЫ:
Записка

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Внутренняя улыбка

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ:
«Табула раза»